

Счастье

1

ПОКРАСНЕВШАЯ от бега, в расстёгнутой нараспашку кофте Снопова перескочила через порог дома Вородиной.

- Верка, привет. Я чё бегу-то, зарплату дали.
- Заходи скорей.

Разлили в большие кружки горячую воду. Вородина поплескала пакетик чая, похожий на свёрнутую салфетку, и села напротив подруги.

— Короче, слушай, мой сегодня приходит в администрацию и говорит: больше не могу ждать. Деньги нужны позарез. Выдавайте расчёт, а не то в город жаловаться поеду.

— Испугаешь их, — махнула рукой Вородина.

— А если там не помогут, до президента дойдём. Пускай разбирается! Где-то же должна быть справедливость. Два месяца кладку разбирали. Ещё жена помогала. Забесплатно, что ли? Там не сдаются, нет денег и всё. Тогда он говорит, у нас завтра двадцать лет исполняется со дня свадьбы. Жене даже не на что подарок купить. Если не отдадите, объявлю голодовку. Посмотрели на него и говорят: ладно, приходи после обеда, может, найдутся деньги. После обеда

я пришла вместе с мужем и такой концерт закатали. Сколько лет денег не видели, что вытворяют. И нам спокойненько отдали расчёт. Я за тебя тоже заступилась, сказала, что ты одна почти полстены разобрала. Шутка, что ли. Только смотри, там просили, чтоб мы остальным про зарплату не говорили. Нас работало много, на всех денег всё равно не хватит.

— Как это?

— Да хоть как. Это уже не моё дело. Пусть сами ходят выбивают. Я для них стараться не собираюсь. А ты знаешь, кто сидит в администрации: если на них как следует не надавить, век денег не увидишь.

— Спасибо тебе, Зин.

— Да ладно, что там. Мы же подруги. Кстати, возьми сразу, а то потом забуду, — Снопова достала кошелёк: — Смотри, какая красота.

— А что так мало?

— Ты что, сдурела?!

Вородина взяла протянутую купюру. Рыжая бумажка. Пять тысяч.

— Зинка, — спросила она дрожащим голосом, — а это настоящие?

— Конечно, — рассмеялась та, — посмотри на свет, видишь — цифирьки, значит, не поддельная.

Вородина поднесла к окну и, удостоверившись в подлинности, улыбнулась:

— Вот Гришка обрадуется.

— А я бы на твоём месте мужу ничего не говорила, обойдётся. Ты же одна работала, вот и трать одна.

— Его тоже надо понять. Не поверил он, что расплатятся настоящими деньгами. Говорил, кинут. Ведь у людей ничего святого нет. Для них обмануть — проще простого.

— Расплатились же.

— Расплатились. Только знаешь, я теперь сама думаю, зря мы на это согласились. Теперь Бог никогда не простит. Хоть здание и заброшенное, но это же церковь.

— А ты поменьше думай. За что платят деньги, то и надо делать. А церковь это или не церковь — нас уже не касается.

— Всё равно жалко.

— Ну, началось, — всплеснула руками Снопина, — лучше бы подумала, как потратишь деньги.

— А ты как?

— У меня уже целый список приготовлен. В воскресенье поедем в город, хочу купить новое пальто, сумочку, а лучше две, потом сапоги, туфли и ещё что-нибудь. Там посмотрим.

— А я знаешь, что хочу, — прошептала Воробина и зажмурилась от удовольствия, — я хочу поехать на море.

— Куда? — усмехнулась подруга.

— На море. Ну, знаешь же, пляж, солнце и всё такое.

— Совсем сдурела! У тебя пальто старое, в обед сто лет будет, а ты купаться собралась.

— Не-ет, Зин, я уже давно решила: буду копить и обязательно на море съезжу, а то умру, и нечего в моей жизни счастливого не будет.

— Тоже мне счастье.

— Тебе-то хорошо судить, ты была. А вот я...

И тут она вспомнила, как на прошлой неделе случайно подслушала разговор. Муж её сидел на кухне с Лёшкой — соседом — и рассуждал, что вот большая часть жизни прожита, а вспомнить ничего хорошего не получается. Спрашивал, может, память у него такая неправильная. Просто, как ни напрягается, ну ни одного счастливого момента. А Воробина в это время притаилась за дверью и слушала — интересно всё-таки, о чём там мужики разговаривают. Тем более Лёшка самым умным в селе считался, он институт в молодости закончил. Столько всего знал! Так вот, он подумал и ответил: а было ли у тебя что-нибудь хорошее в жизни, чтобы потом вспоминать? И так правильно это показалось Воробинкой, что слова просто в память врезались. И сердце сразу защемило. И себя так жалко стало. Живёт она и не видит счастье. Для чего, спрашивается, родилась...

— Вот я ничего вспомнить не могу, — вздохнула она, — как будто и не жила вовсе.

— Значит, плохо вспоминала.

— Будто ты можешь лучше...

— Могу!

— Ну, вспомни хоть что-нибудь, кроме моря.

— Вот ещё, — буркнула Снопина, — делать больше нечего, только сидеть и перечислять.

— Ага! — подскочила Воробина. — Значит, у тебя тоже ничего хорошего не было. А признаться боишься!

— Да можешь хоть что думать, я вообще с тобой разговаривать не хочу.

— Очень нужно...

Подруги отвернулись друг от друга. Снопина размешивала сахар в кружке, ударяя ложкой о стенки. Воробина разглядывала своё отражение в чае и о чём-то думала.

— Зин, а Зин, — наконец не выдержала она, — ты обиделась, что ли?..

Молчит подруга, только ложка ещё громче звенит.

— Зин, да хватит тебе. Я же не со зла. Может, у тебя и было счастье. Я откуда знаю.

— Всё равно не поедешь на море, — надулась Снопина, — денег не хватит.

— Почему это? Я долго копила... А если не хватит, ещё одну вещь продам.

— Какую такую вещь? — передразнила подруга. — Всё давно продала, я же знаю.

— Всё да не всё. Кое-что осталось. Ты лучше это, Зин, спроси у отца Сергия, вы же рядом живёте, простит ли Бог когда-нибудь нас. А то, может, в город съездить, службу какую заказать, а?

— Сама спрашивай, меня это не волнует.

— А ты не можешь привести его ко мне? И сама приходи. Я стол накрою, посидим.

— Стол?..

— Я такой ужин сделаю, соглашайся.

— Ну не знаю...

— Давай, Зин, зови всех, кого увидишь, устроим праздник, хоть раз в жизни. Погуляем.

— Как хочешь, — пожала плечами Снопина и прошагала в коридор.

— А я угощу, такой стол накрою, — приговаривала Воробина, подталкивая её. — Только про батюшку не забудь, — крикнула вслед и закрыла дверь.

2

УДИВИТЕЛЬНО УСТРОЕНА жизнь. Ещё недавно Воробина и не думала ни о каких деньгах, просто жила себе и радовалась. Много ли ей нужно? Дом есть, какой-никакой муж и на здо-

ровые жаловаться не приходилось. Работы, правда, в их селе не было. Колхоз давно развалился, когда ещё Верка школу не успела закончить. Но это не страшно, люди и так приспособились жить, без работы. И главное, никому не обидно, все в равных условиях. А потом любимая подруга на юг съездила. Призналась, что родственники с билетом помогли. Вот тут всё и началось. Сорвалась повязка с кровоточащей раны.

Хотя, если быть точной, началось всё не с этого, а гораздо раньше, в то далёкое время, когда Верка ещё в школе училась. Вот тогда образовалась в её душе маленькая царапинка.

Сидела она на уроке географии, смотрела на карту, учителя слушала. Заострённый кончик указки танцевал на разноцветном плакате, а в голове у Верки проносились фантазии: то она в Африку едет, то на самый маленький материк Австралию, то в Америку... а там два материка, запомните... А часть света одна — Америка... А Россия две части света занимает... Европу и Азию. Я понятно объясняю?..

— А Комарово где находится?

— Комарово? — наморщил лоб Иван Михайлович и ткнул указкой на зелёнькое пятнышко. — Комарово вот здесь... Только мы об этом ещё успеем поговорить. Сегодня у нас с вами другая тема. Запишите в тетрадях число и тему урока — Россия... точка, столица России... Я повторю...

Географическая карта совсем недавно появилась в кабинете. В начале сентября директор заказал из Лудняковского райцентра, и только к концу года её доставили. До этого пользовались чёрно-белыми распечатками в учебниках. А иногда Иван Михайлович сам рисовал на доске мелом, но это совсем не то, одни очертания и ничего не понятно. Вот теперь всё наглядно, и море синее, как положено, и трава зелёная, и пустыни жёлтым закрашены. А Россия на карте неуклюжим пятном растеклась, разноцветная и огромная, но их село, Комарово, не отметили. Даже крохотную точку не выделили. Оно и того меньше. А рядом с Москвой квадратик с красной звёздочкой нарисовали.

Географ так обрадовался подарку, что все пройденные темы стал повтором объяснять, но теперь уже с опорой на карту. А на переменках он заставлял дежурных следить, чтобы никто не приближался к плакату, со звонком появлялся в кабинете, придирчиво осматривал карту, оттягивал очки на край носа, чтобы выглядывать поверх них, и начинал вести урок.

— Иван Михалч, а что, Москва лучше Комарова? — спросили с первой парты.

— Что значит лучше? — нахмурился он и подтянул очки к переносице. — Москва главнее.

— Даже для Иванова она главнее?

— Для всего — столица.

Не поверила Верка, что где-то может быть ещё лучше, чем у них в Комарово. Здесь всё такое родное и близкое. Иногда казалось, что каждую травинку знаешь, каждую ветку на дереве, каждый покосившийся забор, каждый дом, так знакомо улыбающийся оконными ставнями. Услышишь, бывало, звон колоколов, собирающих всех на службу, — сердце сразу в груди затрепещет, радость пробьётся, бросишь все дела и бежишь к началу... Даже лужа, которая занимала половину широкой дороги и не пересыхала в самое жаркое лето, даже она была любима и дорога сердцу. А лужи в Комарово всегда отменные, непролазные, густые. Можно сказать, это было главной особенностью села. Приезжие долго не могли понять, как нужно ходить по дорогам, чтобы при этом не запачкать чистую одежду...

Ничто не могло Верке заменить тот маленький мирок, в котором родилась она, в котором жили её родители и простые чудаковатые люди, которых так хотелось собрать вместе и крепко крепко обнять просто за то, что они есть. Верка ни разу не выезжала из села, но ей казалось, что лучшей жизни, чем в Комарово, нигде не найти.

А вот её подруга, Зинка, много ездила. У неё в Иваново родственники жили. А раз она даже в Москве побывала. Правда, плохо её помнила, ещё мелкая была. Рассказывала, будто там такие же автобусы, как в Иваново, только с усиками длинными, а усики прицепляются сверху к проводам и иногда от них салют получается, совсем как тот, который дядя Паша под Новый год у себя в огороде запускает. Искры во все стороны летят. А ещё в Москве есть лестница, по которой не нужно подниматься, она сама тебя везёт. Стой только и за перила держись. Бесплатно можно кататься — вверх и вниз, сколько влезет... Прямо сколько хочешь?.. Говорю же тебе, пока голова не закружится. А под землёй у них светло, как днём, и там электрички ходят. И Кремль видела. И Ленина мёртвого... Ленина?.. Ага, его самого. Лежит себе на столике под лампами, улыбается. Все проходят мимо, на него смотрят... А не страшно? Вдруг вскочит?.. Кто — Ленин?! Не, его на всякий случай к столу привязали, чтобы не двигался. Я сама видела. Во-от таковыми верёвками!..

А через несколько лет Верка впервые съездила в Иваново. Соседи отправились на рынок закупаться и взяли её с собой. Автобус покачивался на неровной дороге, а Верка стояла у ок-

на, расплющив о стекло нос, и смотрела, упивалась, жадно глотала открывшуюся сказку. Как вызывающе пригож, как вычурно красив был город на фоне Комарова, откуда она только что приехала. Её сердце замирало, когда она видела перед собой разноцветные витрины, красочные вывески, мигающие лампочки, которые светили со всех сторон, длинноногих манекенов, у которых и руки, и шея, и запястья были увешаны драгоценными украшениями. Сердце Верки скакало, глаза бегали, она не знала, на чём остановить свой взгляд, чтобы успеть увидеть всё. Как будто ей снился чудесный сон, и она боялась проснуться раньше времени, чтобы не согнать прекрасное видение.

Они проходили мимо уличного открытого кафе. Люди с вальяжным видом, развалившись на стульях, ели из приторно цветных тарелок, как будто дразня прохожих своей роскошью. Верка крепко сжимала в руке мешочек, в котором лежали мамины бутерброды с докторской колбасой, купленной накануне специально для поездки в их единственном поселковом магазине. Уже тогда, в детстве, сердце разъедала чёрная тоска от несправедливости и какой-то безысходности. В магазине все расплачивались такими деньгами, которых Веркиной семье хватило бы, чтобы прожить безбедно несколько месяцев подряд, а они отдавали всё это зараз... Сколько здесь было бессмысленного, большого, непонятного, чересчур яркого и чуждого её сознанию. Но хотела ли она возвращаться назад?..

Только тронулся автобус, только заскакали колёса по испещрённому асфальту, как сердце Веркино зануло, она не хотела, она даже не могла уезжать отсюда. Город постепенно переходил в пригород, тускнел, дробился, улицы мельчали, перемежались лесными посадками, а Верка всё смотрела в окно, незаметно вытирала слёзы и рисовала пальцем узоры на грязном от пыли стекле. Краски закончились, мир стал блёклым и однообразным. Тянулись гнилые дома деревень, наполовину утонувшие в земле. Чёрно-бурые скособоченные заборы, пожухлая трава полей. Как будто художник пожалел немного красок и, махнув рукой, отошёл от недописанной картины. И вдруг на фоне общего бесцветия яркое лазурное пятно промелькнуло перед глазами Веры. Она не поверила, обернулась — это пятно было кладбищем, обычным сельским кладбищем с выкрашенными голубой краской памятниками, с горящими цветами вокруг, с насыщенной зеленью, растущей вдоль стенок оград. И на миг показалось, что сама жизнь покинула окрестные деревни и переехала туда. От этого сердце сжалось ещё сильнее, Вер-

ка опустилась на сиденье и больше до конца пути не выглядывала в окно.

Как только Зинка узнала, что подруга побывала в Иваново, сразу перестала об этом говорить. Теперь она всё больше Москвой восхищалась. Говорила, что столица ни в какие сравнения ни с чем не годится. Там рай, как будто на облачке живёшь. Для Верки Москва была чём-то несбыточным, притягательным и далёким. Иногда она представляла, что там живут полулюди-полубоги, которые гуляют в золотых одеждах вокруг красной звёздочки. И ничего им не нужно делать. Всё у них и так есть.

Упрашивала она маму съездить в Москву хоть на денёк, да всё денег не хватало. Только скопят немножко, как бабушка приходит, ей нужно отдавать, а то у неё пенсия маленькая. Старенькая бабушка у Верки, ей всегда приходилось помогать. У Зинки тоже много бабушек было, и родители также отдавали им часть своей зарплаты, а дети ходили к ним пропальывать грядки. Сначала вдвоём к Зинкиной бабушке, там все сорняки повывёртывают, а потом к Веркиной идут. Злились страшно, какой интерес — сиди себе скрючившись весь день и перебирай траву. И всё из-за этих бабушек. Умирили бы поскорее, деньги бы сэкономили, в Москву поехали, и работы бы тогда меньше стало. А у Зинки ещё прабабушка была жива, только такая старенькая, что почти никого не узнавала. Зинку к ней даже не подпускали...

— А какие там люди, в Москве-то? — заводила разговор Верка.

— А, такие же. Только все незнакомые. Вот ты здесь всех знаешь, а там никого не будешь.

— Как в Иваново?

— Ну да.

— А чем тогда Иваново от Москвы отличается?

— Будто не знаешь!

— Не знаю.

— ...Название другое.

— Зин, а я не буду здесь жить. Никогда не буду. Вырасту и уеду. Я уже решила.

— Куда уедешь?

— В Иваново, ну, или в Москву. Буду тогда каждый день ходить и смотреть на звёздочку.

— Какую?

— На Кремле которая.

— «На Кремле»... — передразнила Зинка. — Ну и дура.

Зинку несколько не смущало, что она живёт в селе. Небесные журавли её не прельщали. Она довольствовалась тем, что имела. Пыталась как можно лучше устроить свою жизнь. Для начала она решила удачно выйти замуж. Но это сделать

не так-то просто, а для Зинки вдвойне сложнее. Мальчишки любят красивых. А привлекательности ей всегда не хватало, она с виду напоминала северного медведя. Полноватая, неуклюжая, нос картошкой, волосы прямые и жидкие, вечно спутанные, так что даже расчёской не разодрать. И ко всему этому она ещё очки носила в толстенной оправе. В детстве Зинка часто жаловалась маме: «Почему я такая некрасивая...» А мама смотрела на неё и сочувственно говорила: «Зато ты у меня умная». Нельзя сказать, что Зинка была такой уж умной, скорее, она брала своим упорством и настойчивостью, которые порою переходили во вредность. Терпеливо просиживала за учебниками, готовилась к каждому уроку. Если зададут параграф, прочитает его от слова до слова, но не больше, только то, что было запланировано программой. Особого интереса ни к чему не проявляла. Сидела всегда на первой парте из-за плохого зрения. Все учителя считали её образцовой ученицей.

Реально оценив свои шансы на удачу, она нашла себе объект для покорения — это был сын учительницы по русскому языку, толстый и в таких же очках, как у Зинки. Немного глуповат (домашнюю работу никогда не делал), немного скован, стеснителен и молчалив. Жил он в Осинном гнезде — так прозвали двухэтажный барак, построенный рядом со школой специально для учительских семей. Больше в Комарово многоквартирных домов не было. Да и двухэтажку поначалу жители воспринимали как диковинку. Будто в селе больше места нет. Все дома на участках стоят, а этим словно тесно — друг на друга забрались. Учителя совсем как осы живут, свысока на макушки людям смотрят. Зинке очень нравился этот райончик. А ещё больше нравилось, что её обожатель живёт именно там.

И вот в одно прекрасное утро подседа она к нему за столик в столовой. Он даже не заметил, сосредоточенно жевал булочку, обильные крошки летели на синий свитер. Когда доел, стал изгибаться, смахивать крошки с ворса на руку и засовывать их в рот, а потом пальцами пытался подцепить волосы, которые случайно попали в рот вместе с крошками. Зинку даже перекосило, но она стерпела. А когда он поднял на неё глаза, улыбнулась и сказала, что у неё дома ещё вкуснее булочки, со сгущёнкой, пообещала принести. На следующий день они вместе ели булочки и разговаривали о том, как сделать их ещё вкуснее. Вот с этого всё и завязалось. А после школы они поженились и переехали к нему в Осинное гнездо. У них родился сын, толстый и со спутанными волосами. А когда ему было шесть месяцев, на него недели огромные

роговые очки. Он, как маленький совёнок, сидел в коляске и смешно таращился через стёкла своими удивлёнными глазёнками. Справа от Зинки теперь живёт свекровь — её бывшая учительница по русскому языку, слева — географ, он же физкультурник и трудовик у мальчиков, а посерединке — она сама с мужем.

Иногда они вместе ездят к родственникам в Иваново. Зинка так и говорит: поедем, поживём как нормальные люди. Подышат немного городским воздухом, походят по театрам, магазинам, развеются и через недельку опять возвращаются. Так до следующего раза.

Неплохо устроились, вроде бы довольны, Зинке даже стало казаться, что с рождением сына она мужа сильнее полюбила. Что ещё можно про них сказать? Счастливая семья, хоть и живут они в маленьком селе Комарово, которое и на карте-то никто не отмечает.

Верка страшно завидовала подруге. Не понимала, почему у такой невзрачной Зинки и муж хороший, и Осинное гнездо ей запросто так досталось, да ещё к тому же родственники в Иваново живут. Верка и то лучше: тёмненькая, и волосы ей не надо завивать — сами кудрявятся, и губы у неё большие... да и вообще, симпатичная, а ничего такого не имеет. Кругом одна несправедливость. Мечтала она, что накопит денег и назло всем уедет в Москву. Будет жить как настоящий человек рядом с этим домом со звёздочкой. Вот тогда станут все локти грызть, вспомнят о ней, а она никого в гости не пригласит, будут знать... А то живут родственники по всей стране, а о ней никто не вспоминает. Даже не пишут и не звонят, с праздниками не поздравляют. Ещё как-то пожаловались: приехали бы к вам, да видите ли, в такой глуши живёте, что до вас и не добраться... Обиделась Верка на весь мир тогда, первая прекратила переписку, да и они следом замолчали. А своё село Верка безошибочно находила на карте, ей когда-то географ показал, как нужно правильно: сначала Ивановскую область определяешь, она маленькая, с рублёвую монетку, потом ещё немного вправо отступаешь, на зелёненькое пятнышко, там город Лудняков расположен, а под ним сразу скрывается их село с причудливым названием Комарово. Отчего так прозвали, никто не знал. Догадывались только: в их селе озёра сплошные, на каждом шагу стоячая вода, по вечерам над водой стаи комаров собирались. Может, поэтому название такое? Но жители считали, что у них не много комаров, а как раз столько, сколько нужно. А село называли Комарово, потому что ничего плохого в этих насекомых нет: и пицат красиво, и себя в обиду никогда не

дадут — укусят любого и улетят по-быстрому. Впрочем, какая разница, никого никогда не огорчало, что они именно комаровцы, а не муховцы или, скажем, таракановцы... Все просто жили и гордо носили это название.

3

КОГДА ВЕРКА училась в десятом классе, в их селе произошло событие, которое надолго внесло разрядку в сознания людей. Давно ничего подобного не случалось. К ним в Комарово приехала семья москвичей и поселилась в домике около единственного магазина. Там когда-то жила бабка. Родители Веркины были с ней знакомы. А когда она умерла, туда заселились её дети — два сына-близнеца, здоровые громадины. Порою даже удивляло, как такие бугаи могут в крошечном домике поместиться. А во время перестройки они оба потеряли работу и поехали на заработки, кажется, куда-то в Москву. На домишко замок повесили. Так он и стоял, забытый и ненужный. А тут — оживление. Приезжают строители и начинают его ремонтировать, жужжат пилы, стучат молотки, покрикивает бригадир. Экзотика! Комаровцы с открытыми ртами стояли возле магазина и смотрели за работой. Всё равно делать нечего, колхоз к тому времени почти перестал работать. В один миг все почувствовали себя свободными и нищими. А если хлеба вдоволь нет, то хотя бы зрелищем насладиться...

Старый дом белым кирпичом обложили. Получился как фарфоровый. Пoblёскивает на солнце, даже глазам больно делается. Построили первый этаж, принялись за второй, сверху балкон сетчатый водрузили. На Осиновое гнездо домик стал походить, только в тысячу раз лучше того. Верка в жизни ничего подобного не видела. Всё бегала к дому, перед школой чуть пораньше выйдет, после школы задержится. Такое чудо на глазах у всех рождалось. И ещё ведь не знали, кто сюда заедет. Любопытно было.

Как-то утром Верка подошла по привычке к магазину, но ничего не увидела. Точнее, не смогла увидеть, потому что перед ней возник железный двухметровый забор. Поверх него только балкон выглядывал да часть крыши. А вскоре перед домом поставили машину с затемнёнными стёклами, а ещё за забором собака появилась, большая, как корова, с рыжими пятнами по бокам. Она лаяла таким голосом, как будто у неё внутри от злости желчь закипала и бурлила на всё село. Отныне даже к забору нельзя было подойти. Сразу рёв раздавался.

Зато Гришка, одноклассник Веркин, обнаружил с противоположной стороны дома щель в заборе, там, где листы железа неплотно соприкасались, сказал об этом девчонкам, и после уроков они все вместе отправились посмотреть на новый дом.

Щель совсем небольшая оказалась. Чтобы до неё дотянуться, надо было на доски вставать, потом руками за край забора цепляться, подтягиваться и аккуратно держаться, почти на весу.

Верка первая вскарабкалась, прижалась лицом к железу, притихла.

— Ну чё там? — нетерпеливо канючила Зинка.

— Отстань, и так ничего не вижу...

Возле крыльца и до самых ворот были положены бетонные дорожки. По краям — бордюрики белой извёсткой выкрашены. И розы кругом росли. А чуть в стороне маленький столик стоял, а на нём — голубая лейка с длинным носиком. Таковую никогда в поселковый магазин не завезут, у них всё железные продаются, сызнова покрытые пятнами ржавчины. Значит, с собой из Москвы привёзли.

— Дай я теперь, — Гришка помог ей слезть с забора, а сам одним прыжком заскочил на освободившееся место. — Ого!

— Что видишь? Ну не молчи!..

— Там саженцы садят. Кажись, ёлки какие-то и берёзы.

— Ты чё — больной! — Зинка покрутила пальцем у виска. — Зачем им ёлки-то! Может, там яблони?

— Я чё тебе совсем дурак?! Не смогу яблоню от ёлки отличить?! — вконец рассердился он.

— Дай я, дай я... — дёргала Зинка за штанину. — Я рассмотрю всё, ёлки там или нет. Ну да-ай!

Уступили место неуклюжей медведице. Только она начала взбираться на доски, вдруг как пинёт ногой о железо, то заколыхало, волна грохота пробежала вдоль всего забора. Собака, дремавшая за домом, мгновенно очнулась, расшвирипела и с рёвом рванулась на шум.

Зинка с испугу свалилась в кусты, вскочила, ничего не поймёт. Слышит оглушительный вопль, и как морда собаки с другой стороны о забор бьётся. Гришка первый побежал, а уже за ним и девчонки припустились.

А через несколько дней Зинка сказала Вере, что подруга её мамы познакомилась с москвичами, расспросила всё. Оказывается, они приехали не насовсем, а только на месяц. Они теперь будут так каждое лето гостить: две недели на море отдыхают, а остальное время здесь прово-

дят. Говорят, что надоела им искусственная жизнь, хотя поближе к природе быть, приобщиться к физическому труду. Там-то что у них: одни пластиковые пакеты, машины и бензин. А здесь им всё нравится: и воздух чистейший, и жизнь естественная, без всяких украшений.

— Совсем с ума посходили, — заключила Верка. — Вот если бы я жила в Москве, да плевала бы я тогда на всякие сёла.

— А я на море что-то хочу, — мечтательно проговорила Зинка.

— А я вообще куда-нибудь хочу... Только бы отсюда.

Утром, перед школой, Вера решила ещё раз посмотреть на московский домик. Собака гуляла на другом конце двора. Прижалась Вера к щёлочке и увидела, как стройная женщина поливала цветы из голубой лейки, брала в руки веточки кустарника, осматривала и отпускала назад, изредка отрывая испорченные листья. Больше в саду никого не было. Руки Веркины устали держаться, и она бесшумно прыгнула на землю. Побрела вдоль дома. Вдруг знакомо громыхнул забор, скрипнул засов, и открылась входная дверь. Та самая женщина на высоких шпильках процокала по асфальтированной дорожке и быстро скрылась в машине. Пыталась Верка разглядеть лицо москвички, но стёкла были тонированы, ничего не получалось. Её машина мурлыкнула и, мягко окунувшись в лужу, уехала. Вся вода, которая была в луже, поднялась и мелкими грязными каплями окатила Верку с головы до ног.

— Вот тебе и море, — с досадой проговорила она и в мокрой одежде побрела в школу.

4

— **ИВАН МИХАЛЧ**, а море очень большое?

Географ наморщил лоб и покосился на карту.

— Море?.. Оно огромное. Если стоишь на одном берегу, то другого не видно. И песок там белый, от солнца так сильно нагревается, что даже лежать на нём горячо. А вода солёная-солёная. Все ныряют и со дна ракушки достают.

— А вы там были?

— Был, давно только. Когда путёвки дешёвые продавали.

И Верка уже не знала, что ей больше хочется — на море или в Москву. Лучше бы всё сразу. Или ехать в Москву, а чтобы там море было, прямо около звёздочки.

В доме у Веркиной бабушки, в одной из комнат, висели иконы. Днём там ещё лампадку зажигали. А посередине стены, на уровне с икона-

ми, Верка заметила портрет Сталина. Бабушка всегда повторяла: помолись, попроси, что хочешь, и Бог выполнит, только поверить в это нужно.

— А зачем этот дядька висит? — Верка ткнула пальцем в портрет.

— Что ты, что ты?! — бабушка испуганно хваталась за щёки. — Не называй его так. Он хороший. Помолись лучше..

И Верка молилась, просила и у Бога, и у Сталина, чтобы уж наверняка исполнилось желание, объясняла им, что не может она здесь жить, для счастья ей не хватало только две вещи — моря и Москвы.

После школы Верка планировала устроиться в колхоз, заработать много денег и куда-нибудь уехать. Но в колхозе начали задерживать зарплату. Сначала два месяца не платили, затем на полгода всех без денег оставили, притом что даже перестали обещать рассчитаться. Всех, кто был недоволен, увольняли по собственному желанию. Веркины родители просто так ходили работать, по привычке. Без дела усидеть невозможно, если всю жизнь трудились. А потом колхоз совсем закрыли. И остались люди безработными, запаниковали сразу — как жить без денег?..

Пришлось опять всем вспомнить про любимых стариков. Если раньше их ругали, то теперь наоборот — боготворить стали. Им пенсию платили, хоть и маленькую, но за услуги хватало расплатиться, да и по мелочи, что нужно прикупить, всё-таки лучше, чем ничего. Вот ведь какой жизненный парадокс: раньше старики стонали — пенсии маленькие, как жить! — а теперь молодые воют — зарплат никаких нет, ладно хоть пенсии старикам не отменили, стабильно платят, а то бы совсем худо пришлось. У кого родители живы, тот богачом считается. А вот у Зинки, у той ещё и «золотая» бабка не умерла. Она в войну где-то на фронте медсестрой служила. Так ей теперь тысяч восемь платили, как участнице тех страшных событий. Зинка поэтому по-королевски жила, покупала, что хотела, в Иваново часто ездила.

Верка страшно злилась на свою родню. Бабушки вместо того, чтобы воевать, в тылу сидели, трусы! Не думали о детях, только о себе. А надо было уже тогда пенсию себе вырабатывать. Вот если бы Верка родилась чуть-чуть пораньше, она бы не растерялась. Всего-то и нужно, что высунуться немножко — за раз и почёт и богатства получишь, нескольким поколениям безбедную жизнь обеспечишь.

У Веркиного мужа, Гришки, помимо родителей, ещё дядя был, который пенсию получал.

Три человека в общей сложности. Но зато у него брат безработный на шее сидел. Деньги делили ровно пополам. Верке в этом плане повезло — одна в семье родилась. Всё, что старики получали, всё ей доставалось, но этого не хватало. Она дочку свою подсылала к свекрови, объясняла ей, что сказать нужно, как разжалобить бабушку, чтобы побольше в этом месяце выпросить. Но все ухищрения были напрасны, свекровь бессердечная, рваные свитера не замечала, растянутые на коленках брюки игнорировала. Если и было у неё хорошее настроение, могла дать внучке мелочь на карманные расходы, но не больше. После школы дочка уехала в Иваново, устроилась продавцом в супермаркет, квартиру стала снимать. Говорила матери, что никогда не вернётся домой. Верке жалко её было, укоряла себя, что не может ей ничем помочь, но и сама понимала, что домой возвращаться ни в коем случае нельзя. Она надеялась, что, когда правнуки появятся, старики станут добрее, да и пенсии к тому времени прибавят, лишь бы не умерли они раньше времени... А пока Верка с мужем регулярно помогала им по хозяйству и на календаре карандашом числа зачёркивала, сколько дней до пенсии осталось. На каждого пенсионера отдельный цвет отведён, чтобы никого не упустить из виду.

Кто-то из сельчан пытался заработать тем, что вспахивал огороды за деньги. Но желающих расстаться с кровными было мало. Все готовы были вручную вскапывать землю, лишь бы немного сэкономить. Несколько лет назад на полях сажали гречку и лён, нанимали людей для обработки. Но потом сажать перестали. Климат стал подводить — для полного вызревания крупы солнца не достаточно.

Раньше все любили сажать мак. Он неприхотлив — побросал семечки в землю и жди урожая. Но в последние годы на полях и огородах стали гостить наркоманы. Теперь разрешили выращивать не более трёхсот головок с каждой семьи. Если насчитают больше — грозятся штраф выписать.

Но самой любимой культурой для комаровцев оставалась сахарная свёкла. Она и росла легко, и бизнес это прибыльный. В середине лета нанимались жители во временные бригады и ехали в поля на прополку, осенью — на сбор урожая.

Некоторые сажали свёклу в огородах, а потом сдавали в приёмные пункты. Рассчитывались сразу, правда, не деньгами, а сахаром. Выдавали мешок, и делай с ним, что хочешь. Можно варенье варить, а можно в чай сыпать — вроде и жизнь тогда не такой горькой кажется.

Когда-то по селу машины ездили — картофель, яблоки скупали. А сейчас уже давно никто не заезжает. Бензин слишком дорогой стал — не выгодно. Предпринимателям проще в городе найти что-нибудь подешевле и продать в соседнем магазине с наценкой. Прибыли больше получается, с деревенскими не за чем возиться.

Один раз в Комарово заехали хачи, привёзли целую машину арбузов. Предложили обменять их на картофель. Люди дикие, арбузов отродясь не пробовали, в Иваново их никогда не сажали. Заинтересовались, что да как.

— А мы баш на баш! Кило на кило! — засмеялся чернявый парень, доставая весы.

Обмен произошёл, только потом все поняли, что это неравноценно. Нормальный арбуз на десять килограмм потянет. А его семья за раз может съесть. А вот на десять килограмм картофеля можно не знай сколько жить! Остались люди с носом: и картошку всю отдали, и арбузы быстро съели. Невзлюбили с тех пор они пузатые ягоды, сколько после этого не приезжали к ним в село машины, никто даже не посмотрел в их сторону. Как обиженные ходили по улицам...

Сволочная жизнь была в Комарово, и порой она так заедала, а ничего не поделаешь, другой не дано. «Рвануть бы на море, — думала Вера. — Тогда всё сразу изменится». Но денег не было даже на дорогу, а потому о море оставалось только мечтать.

И вдруг в одно прекрасное утро на всё село гремит новость — Зинка Снопина на юге побывала!

Спокойствие Вородиной само по себе куда-то делось. Стала она думать, почему так несправедливо? Все безработные, а она — на море едет. Пыталась забыть, не заметить, но только больше думала. А в Комарово всех словно завели: носятся, разговаривают, интересуются, ведь дальше собственного села почти никто не выезжал, разве что в Иваново раз в год. А всем интересно узнать, как там живут, какие люди, во что одеваются и о чём говорят. Снопина тогда зазналась, ходила по улицам с высоко поднятой головой и только на огромных каблуках, солнечные очки напялит на глаза и идёт себе по дороге, перепрыгивая лужи — асфальта в селе никогда не прокладывали. Смех, да и только.

— Зинка! Как изменилась, тебя прямо не узнать! — воскликнет встречный. — Говорят, ты на море ездила?

— Ну да, было... — нехотя ответит она.

— Расскажи, как там?

— Да нормально там, что рассказывать, видеть надо.

— Ну ты хоть немно-ожко, — умоляюще по-
смотрят на неё.

— Я спешу вообще-то... Ну, ладно, на мину-
точку остановлюсь, слушай. Море — оно такое...
такое... — начнёт Снопва и битый час будет
рассказывать сказки, перемежая их с реальны-
ми впечатлениями.

Вородину она тоже пыталась удивить, да
только та специально избегала встреч: неприят-
но было выслушивать, самой хотелось поехать,
а потом через подруг Верка спрашивала под-
робности и равнодушно бросала: «Подумаешь,
нашла чем гордиться».

Долго они не встречались. В конце концов,
Снопва не выдержала, прибежала к Верке и
выпала с порога:

— Всё, развожусь.

— А что случилось?

— Прикинь, он засветил плёнку! Не сумел
открыть фотоаппарат.

— И всё?

— Там кадры! Там такие кадры! Я же на море
ездила! Убью-ю! — редела она.

Вородиной ничего не оставалось, завела она
подругу, и просидели они весь вечер на кухне,
пили чай, разговаривали. Зинка взахлёб расска-
зывала про море, а Вера мысленно переносилась
дальше Комарово, дальше Иваново, к маняще-
му югу, где шипело море, как погашенная сода в
ложке, где было так тепло и спокойно... И вот
уже не Зинкин муж, а её собственный, Гришка,
покупал цветы и дарил ей, а потом он катал её
на плавательном матрасе, а солнце нежило мяг-
кой теплотой кожу, и та становилась шоколад-
ной, прямо как сейчас у Зинки...

— Ты меня слышишь? — Снопва тормоши-
ла за плечо, — Вер.

— А?

— ...Засветил, представляешь? Засветил... Ты
что улыбаешься? — закричала она.

Только сейчас Верка почувствовала, что рас-
плылась в удовлетворённой ухмылке, подавила
её изо всех сил, выразила на лице сочувствие и
засунула в рот дольку лимона, чтобы совсем со-
ответствовать.

— Да... Не повезло.

А у самой в голове мысль появилась, как
деньги скопить на поездку, у кого сколько за-
нять можно и что продать из ненужного. Жила
она когда-то без моря — и всё отлично было, и
век бы не тужить. Но как теперь стерпеть, если
подруга съездила? Теперь уже никак нельзя.
И Вородина пообещала сама себе, что из кожи
вон вылезет, в долгах погрязнет, но утрёт нос
Зинке, и фотографии её лучше получатся, и уж
плёнку она ни за что не засветит.

А вскоре по селу пронёсся слух, что приехал
из города какой-то предприниматель и собира-
ется скупить все заброшенные здания. Теперь
будут жителей нанимать, чтобы кладку разби-
рали, а за это обещают деньгами расплачиваться.
Администрация ещё объявление не успела
повесить, а желающих уже набралось, хоть от-
бавляй. Всё село ликовало: столько лет без де-
нег жили, а теперь настоящие рубли увидят, вот
счастье-то!

Сначала Снопва записалась в очередь жела-
ющих, а потом и Вородина вместе с мужем. Раз-
били всех людей на три группы и направили:
одну — разбирать клуб, другую — школу-девя-
тилетку (детей в селе почти не было, а тех, что
остались, отвозили на машине в районную шко-
лу), а третьей группе досталось разбирать стар-
ую церковь. Она уже много лет заброшенной
стояла. Муж Веркин сразу отказался работать.

— Всё бестолку, — говорит. — Не заплатят.
Что даром время терять!

Верка не ожидала такого ответа.

— Всё равно же дома сидишь! — напустилась
она на Гришку. — От телека, что ли, оторваться
не можешь?!

— А хоть бы и так. И то полезнее, чем забес-
платно работать. Никогда не платили, и сейчас
не заплатят.

Посмотрела на него Верка: сидит, небрежно
развалившись на диване, вечно недовольный,
взгляд исподлобья, заросшие щеки и подбородок
чуть светлее загорелой кожи — хоть бы по-
брился, — курит, пережёвывая во рту сигарету.

— Сколько раз просила, не кури дома! Ды-
шать нечем!

— Злишься?! — противно засмеялся он. — Не
заплатят. Вот увидишь.

— А я всё равно пойду работать! Пусть не за-
платят. Я за просто так буду. Не могу без рабо-
ты жить. И всё у нас так. Это ты ленивый, —
презрительно бросила она.

— Я — ленивый?! — воскликнул Гришка. —
Если бы я знал, что деньги получу, первый бы
побежал! Я люблю зарабатывать. А забесплатно
— я не согласен!

— Ну и сиди здесь, — махнула рукой Верка.

«А может, он прав?.. — размышляла она. —
Но с другой стороны, если не возьмусь за рабо-
ту, потом весь век буду сожалеть».

Подумала она и осталась. Всё-таки деньги
нужны — а вдруг заплатят? — и на море хочется.
Хоть и немного обещают: всего по рублю за кир-
пич, но и то неплохо. Если хорошенько потру-
диться, за месяц запросто можно на билет зара-
ботать. А там — море, солнце, горячий песок и
цветы...

И стала Верка работать за двоих, затаив обиду на мужа. Старалась не отстать от других. Дело даже не в скорости, а в качестве. В округе все стучали, не глядя, по кладке и размалывали кирпичи в крошки. За это никто не заплатит. А Верка приноровилась, легонько надавливает молотком на штукатурку и смахивает рукавицей мусор. Так у неё почти ни один кирпич не расколосся. Все как на подбор, ровные, обтёсанные от раствора. Работала Верка с упоением и всё время представляла себе море. С каждым кирпичиком её мечта становилась ближе и в сознании наливалась новыми красками.

Представляла, как принесёт она деньги и положит на стол перед Гришкой. Вот тогда он узнает, как работать надо. Церковь, конечно, ей жалко было разбирать, но она себя успокаивала: ведь не она же виновата, не она приказала. Это всё администрация и предприниматель загадочный, которого до сих пор никто не видел. Вот пусть они и отвечают.

5

ЦЕРКОВЬ В КОМАРОВО красивая была, высокая, с любого конца села посмотришь на неё — стоит, величественная, к небу тянется. И сразу хорошо так на сердце, как будто в рай попала.

Вспомнила Вородина себя совсем маленькой, когда её впервые в церковь привели. Было ей года три, не больше. Много лет прошло, а память крепко держит тот день, словно вчера всё случилось.

Календарь начало марта показывал. Растекались по улицам лужи. Оттаявшая дорога — та, что возле их дома, — превратилась в мясистое грязное озеро. Туда даже машины боялись заезжать — не выберешься, застрянешь, как в трясине, — а люди приспособились по задним дворам обходить — сначала по Милашенково, проулочек пересекаешь, потом к реке спускаешься, а там уж через дачи и к церкви подберёшься. Встанешь на просохший бугор, переобуешься — резиновые сапоги в сумку, а сама — в чистые туфельки. А потом и в церковь можно заходить.

Родители привели маленькую Веру крестить. Зашли внутрь, а там натоптано было. На деревянном полу остались следы от обуви, служба только закончилась, люди расходились, стуча каблуками по ступеням, рассыпались по двору. В окна заглядывало солнце, ластилось, а у самого тепла никакого, обман один. Холодно в церкви. Рыжий поп со смугловато-рябым лицом втянул голову в плечи, как в панцирь, и медленно передвигался от иконы к иконе. Люди

вокруг поёживались, а её, Верку, раздели до трусов и ещё прикрикнули, стой, мол, не вертись. А как она могла не вертеться — вокруг всё новое, неизвестное. Родителям дали свечки, чтобы в руках держали, а про неё забыли. Хотела она попросить, уже и рот раскрыла, но строгий взгляд попа мгновенно пресёк желание. Скучно стало и жутко холодно. Опустила Верка глаза в пол, насушилась, а руками в это время рюшки на трусах заворачивала. Всё равно делать нечего. Зачем, спрашивается, в такую рань подняли. Ещё и накормить забыли.

Батюшка что-то читал. Его голос эхом разносился по церкви. Родители почему-то улыбались, в руках дрожали свечки. Медленно стекал воск, застывая капельками при движении. Вокруг стояли старушки, их глаза блестели, будто они собирались плакать, и все такие вдохновлённые были, крестились. К Верке подошёл батюшка, окинул её усталым и грустным взглядом, поднял, как игрушку, и понёс к чану с водой. Опускают её в воду, а она боится, не знает, как реагировать: то ли смеяться, то ли плакать? Почувствовала ногами дно, оттолкнулась, выпрыгнуть хотела, но батюшка её крепко держит, не позволяет брызгаться. Не на шутку испугалась она, завопила, смотрит на родителей, а они почему-то не спешат на помощь, не отнимают любимую дочку, стоят всё так же и улыбаются. И подумала тогда Верка, что так всё и должно быть, сдалась и уже без крика позволила себя окунуть. Потом ещё раз. Сильные руки подхватывали её и сразу вытаскивали из воды. А потом её вернули к родителям. Батюшка опять стал что-то читать. Верка вытирала кулачками глаза. С волос стекала вода и холодила кожу. Было очень зябко, по спине побежали мурашки, но одеться ей не разрешили.

Всё, что было после, запомнилось не так хорошо. Батюшка отрезал от её головы кудряшку, было жалко, но она ничего не сказала, боялась, ещё раз в чан затолкают. А в самом конце на неё надели крестик, блестящий такой. Она до сих пор его носит.

Каково же было удивление, когда она заметила того самого рыжего попа у себя в селе. Верка тогда играла возле дома, вдруг видит — знакомая борода, и вспомнила всё сразу: и чан с водой, и детский испуг свой, и весенний холод, после которого её неделю чаем отпаивали с малиновым вареньем, чтобы не заболела. Приготовилась она бежать от него, но поп мимо прошагал и даже не взглянул на неё, будто и не узнал. Подозрительным показался он Вере, точно замышляет что-то нехорошее, а сам специально притворяется, что никого не знает и вообще

здесь ни при чём. Пересилила она в себе страх и тихо-тихо покралась за ним, то и дело прячась за деревьями. А он и не подозревал, быстрыми шагами пересёк две улицы и вошёл в один из домов.

Во дворе у него валялось много мусора: железки, бутылки, инструменты всякие. Рядом с дверью стояла ржавая бочка. Верка залезла в неё и притаилась. Через какое-то время вышел дядька, только теперь он не был похож на батюшку. Вместо церковного облачения на нём были надеты потёртые брюки с заплатками на коленях и свитер. На шее болтался золочёный крест с изображением распятия. Огромная рыжая борода лежала на груди.

Он подошёл к жигулёнку, попытался завести, но тот фыркал и отчаянно сопел. Тогда батюшка пнул машину ногой, выругался, совсем как обычный человек, и полез под неё. Повозившись вдоволь, открыл капот, и девочка увидела, как он начал доставать оттуда какие-то железки, что-то откручивать. Потерял нужный ключ, ругал его вслух, в который раз перебирал инструменты. В итоге — машина завелась, батюшка вытер руки о свитер и уехал. А изумлённая Вера побежала домой. В этот день она впервые узнала, что простой человек может быть священником. Или, наоборот, священник — простым человеком... До конца не понятно.

Со временем батюшка поправился сильно, стал вздорным, как праздничный кулич, а борода ещё пышнее. Только теперь она была не чисто рыжая, а с седыми волосками.

Службы в церкви проводили каждый выходной, случались, конечно, исключения, когда батюшка не мог прийти, но его в этом не винили. Один священник в селе, заменить его некому. Верка, пока маленькая была, часто заходила в церковь вместе с бабкой. Потом — реже, разве что по праздникам, ну а потом совсем бросила. Укоряла себя за это, посмотрит на церковь, расстроится, но тут же придумает оправданье: времени совсем нет, чтобы ходить. Это старушкам делать нечего, вот они там и прописались.

Вспомнила Верка, как они венчались с мужем. Тогда всё село на них приходило смотреть. А церковь маленькая, так и простояли, толкаясь. Свадьба была богатая, как никогда. В подарок молодожёнам телевизор подарили. Гришкины родители старались, радовались за сына. Он всегда таким застенчивым был, Верка пошустрее, она его в школе за собой таскала. В столовую пойдут вдвоём — лучшую порцию захватят, а один пойдёт — так может совсем без обеда остаться. Списывать Верка всегда давала, хотя сама никогда не делала задания, побеждает перед

уроками, найдёт правильное решение и дальше — сама распространяет. Благодаря такой дружбе Гришка без труда школу закончил. И родители его поняли, что на роль невестки лучше Верки никого не найти, сами предложили выйти замуж за их сына. Верка не ожидала, как-то даже и не задумывалась об этом. Посмотрела на подруг: многие уже переженились, причём на одноклассниках. Подумала она и согласилась.

Венчал их всё тот же батюшка. И всё было, как много лет назад на крещении. Родители улыбались, старушки стояли с блестящими от слёз глазами, а рыжая борода что-то читала из огромной книги. Но почему-то венчание ей не так хорошо запомнилось, отдельные моменты только. Вообще, Верка не любила все эти церковные обряды, они ей казались слишком растянутыми и оттого утомляли. Можно было, конечно, пытаться во всё вникать, но ей никогда не удавалось понять и малой доли из всего происходящего.

Верка разглядывала иконы и картинки на стенах, потом Гришкин пиджак, батюшкину ризу. Им поднесли вино в круглой чаше. Муж сделал маленький глоток. Вера допила. А вино сладкое было, такое можно хоть каждый день пить — не надоест. Батюшка взял пустую чашу, передал дьякону, посмотрел на Верку и почему-то улыбнулся. Борода скрывала улыбку, но по глазам и по мелким морщинкам Вера заметила её. Да, именно по глазам. Они улыбались, а в уголках стояли крупички робких слёз. Вспомнилось, когда-то в детстве бабушка объясняла, что только у православных слёзы очищают глаза и освещают человека. Их не нужно бояться. Если ты плачешь, то ты расцветаешь духовно. А вот у неверующих глаза от слёз делаются мутными, как у больного...

Риза на священнике переливалась из золотого в серебряный цвет. Борода лежала сверху и гармонировала со всем одеянием. И тут Верка заметила, что в бороде у батюшки запуталась нитка. Маленькая такая, чёрная. Такой и пуговицу не удастся пришить — слишком короткая. А здесь сидит себе в бороде и смотрит на венчание. А самое интересное, как она туда попала? Больше Верка ни на что не обращала внимания, только за бородой наблюдала. Нитка дрожала, как только батюшка начинал говорить, трепыхала вместе с остальными волосками. Так смешно было! Но никто не замечал. Наверное, потому, что стояли далеко. А Верке было лучше всех видно. «Интересно, — размышляла она, — а мужчины расчёсывают бороды или нет?» Представила, как стоял сегодня батюшка перед зеркалом с массажкой

в руках. Нет, тогда бы он заметил нитку. Решила она потом у кого-нибудь спросить по поводу бород. Любопытно всё-таки...

После венчания свадьбу справляли всем семейством. Столы накрывали прямо на улице, в дом всё равно бы не поместились. Веселились, как сумасшедшие, до самого утра. Так уж получилось, что венчание стало последним церковным обрядом в Комарово. Больше батюшка ничего не проводил. Что случилось с ним и что теперь станет с их единственной церковью, никто точно не знал. Впрочем, здесь уже совсем другая история...

6

ОТЦА ФЁДОРА не считали ни своим, ни чужим человеком в селе Комарово. Он был священником местного прихода, этим всё объяснялось. Он был не от мира всего. Чудаковатый народ не мог жить безгрешно, но и в грехе — какая жизнь... Поэтому и нужен ему хоть какой-то маленький суррогатный Боженка, который послужит узким мосточком через бездну очистительного пламя в чертоге к Господу Богу. Вот и послан был в эти места из областной епархии вчерашний семинарист, не износивший ещё своей первой рясы, Фёдор Рыбич, в народе — батюшка Фёдор.

Весть о прибытии нового священника на какое-то время завладела умами комаровских прихожан. Все знали, что зрелого попа с семьёй не загнать в эту Тмутараканью, а к юному батюшке как привыкнуть? От него ещё материнским молоком пахнет, как от телёночка, да и подбородок у него, наверное, пушком покрыт. Но что удивительно, новый священник как раз их и не разочаровал: и ростом неплох, и осанист, и бородка аккуратненькая рыжей щёткой, и голос, медово-тягучий, раздольный, гудящий, с грустинкой. А ещё как-то стало известно, что Фёдор — сын попа-расстриги, бросившего во время войны свой приход в Ивановской области. Он ушёл на фронт и находился там до самой победы, а назад вернулся уже фельдшером медсанбата. Мать Фёдора была церковной певчей, очень красивой, миловидной женщиной, с белой кожей и светло-русыми волосами.

Отец Фёдор не любил рассказывать про себя, и потому никто из сельчан не знал всей его истории, довольствовались лишь слухами и собственными фантазиями, а жизнь ему выдалась непростая. Отец его, вернувшийся с войны, стал настоящим тираном в доме, приводил пьяниц, и они сидели до поздней ночи, а мать долж-

на была накрывать им стол и стелить на полу в прихожей постели. Сколько слёз было пролито ею. Всё равно не ушла из семьи — терпела. Детей у них не было. Сначала хотели усыновить ребёнка из детдома, уже стали документы собирать, а тут война началась, потом отец запил... В пропахшем водкой доме ребёнка не заведёшь. А потому прежние мечты сами собой рассеялись. Отец работал фельдшером в здравпункте элеватора. Оттуда его часто выгоняли, но через месяц-другой ему как-то удавалось устроиться вновь. И так тянулось до тех пор, пока у него не открылся туберкулёз. Тогда его окончательно выгнали с работы. От безделья он бы спился совсем, но, видно, Бог помог, именно в это сложное время на свет появился долгожданный Фёдя. Радости пожилого отца не было предела. Больше он от дома никуда не отходил, прежних друзей отныне редко заносило на «огонёк», а вскоре встречи прекратились совсем. Зато он с удесятёрённой энергией работал в огороде своего дома. Постепенно заложился сад, появилась стеклянная теплица, деревянные рамы которой он обтачивал собственноручно. А когда маленький Фёдя подрос и пошёл в школу, отец вызвался сопровождать его. Всем объяснял, что прогулки для него сейчас жизненно необходимы и здоровье от этого только улучшается.

Ранней весной отец ушёл в лес заготавливать берёзовые почки, а на обратном пути разгорячённый и потный провалился под лёд на речке. Он выбрался, но такого переохлаждения больной организм вынести не мог.

«Ну что, положили, что ли, вашего?» — стали спрашивать в селе, пуская новые слухи.

Отца действительно увезли в городскую больницу, и в апреле месяце, когда ещё не нашла листва на деревья, а корни только просыпались в земле, он скончался.

Смерть отца была большим потрясением для Фёдора. Он почувствовал в себе перемену, ему захотелось всему живущему вокруг находить объяснение, с чего это происходит, как и куда движется, в чём смысл конца. Он всё больше стал задумываться о смерти, что это — конечный предел или начало нового? Будучи четырнадцатилетним мальчишкой, он не мог отыскать ответы на эти вопросы. Советские школьные учебники молчали. А вот в Библии как-никак об этом говорится, но только так говорится, что не всякий может понять. Но если поймёт, призадумается. Вот и стала Библия его лучшей книгой, его становлением и его звездой...

Много с тех пор воды утекло. Повзрослели первенцы, которых он окрестил, прибыв в Комарово, покривился домишко, в котором его по-

селили, догнил жигулёнок, купленный им уже стареньким, и первая проседь появилась в бороде у отца Фёдора. Уже остались позади времена, названные длинным и скрипучим словом «перестройка».

Запил отец Фёдор в последние годы не на шутку, и даже из епархии второго священника прислали, но пока он в другом приходе числился, в соседнем селе. А то, что случилось с отцом Фёдором, до сих пор прихожанам невдомёк, тайна за семью печатями. И никто о ней никогда не узнает.

Влюбился он в местную девушку, да так сильно, что в его иссушённой аскетической душе расцвело семицветием радуги новое чувство. Видимо, и заповедная почва временами может быть благодатной, как в этот раз. Что уж он разглядел в ней, и сам объяснить бы не мог. Лицо её слегка удлинённое с немногими веснушками — удел светлокожих брюнеток, тонкий строгий нос, глубокие карие глаза, тело пружинисто, двигается быстро, залюбуешься. И сама она, и имя её Вера так запали ему в душу, что безумству этому не мог он даже предположить какое-либо разрешение. Долго не смел признаться себе в этом, боялся собственных чувств, а ещё больше опасался, чтобы люди ничего не заметили, а то село маленькое, слухи распространяются быстро, станут поговаривать, священник влюбился, да и в кого? — в какую-то малолетку, она только-только школу заканчивала.

Но чувство скоро приугасло, Вера вышла замуж за местного парня Гришку Вородина, и как бы тяжело ни было, отцу Фёдору пришлось их венчать. Глядел он, как светловолосый, губастый, на голову выше невесты Гришка мощными пальцами надевал Вере колечко на тонкий, почти детский пальчик, и просил он от чистого сердца Бога, чтобы скрепил на веки этот союз. А когда после мужа Вера сделала глоток святого причастия, отец Фёдор увидел на её губах капельки красного вина, и захотелось ему тоже выпить из этой же чаши, прикоснуться своими губами к краю, где ещё остался след от Вериных губ. До этого дня он никогда спиртным не баловался.

По окончании церемонии он спустился в трапезную в подвал, налил себе в эту чашу кагора до краёв и медленно стал пить, получая от каждого глотка непривычное удовлетворение. Потом он прошёл в алтарь, помолился вполголоса перед жертвенником за молодых, и тут как-то само собой напряглись его голосовые связки, и он, выйдя на низ своего регистра, пропел громкоподобно молитвенный канон. Ему понравилось, он повторил ещё раз с начала,

зная, как хорошо его слышат за иконостасом прихожане. Затем он ещё раз спустился в трапезную и выпил две чашки кагора. Ему становилось от этого только лучше.

С того самого дня голос отца Фёдора всё чаще раздавался могучими раскатами за царственными воротами алтаря, но, кроме священника, туда никому заходить не полагалось, а он и службу вести временами не выходил...

Иногда отец Фёдор пил один, иногда бродил по селу из дома в дом, искал собутыльников. В минуты отчаяния проповедовал, что жизнь пуста и никчёмна и счастье — это всего лишь людская иллюзия, потому что в мире ничего такого нет. Придумал Бог землю, создал природу и человека, а про счастье забыл. Шесть дней трудился, а самое главное упустил. Нет у нас счастья, а без него — всё бессмысленно: и природа не нужна, и небо, и звёзды... И человек страдает. Все люди ищут счастье и не знают, что его просто не существует...

И вот однажды дождливым днём везли его пьяненького в чёрной «Ниве» откуда-то из дальнего придорожного кафе, где он освещал ручей и новое строение с прикреплённой вывеской «Святой источник животворящего креста». Приближался вечер, он торопился успеть к службе. По трассе брела экстравагантная девица. Брать её было некуда, но пьяная компания молодых весельчаков, решив покуражиться, толкнула девушку на колени отцу Фёдору, придремавшему на заднем сиденье.

— Что ты! Что ты, матушка! Господь с тобой... — попытался освободиться он, но все попытки были безуспешны.

— Эй, поп, ты что, женщину никогда не видел?

Эти слова вызвали такой хохот, что, казалось, вот-вот вылетят из машины стёкла.

В таком нелепом положении его провезли по всему селу и остановили только у церкви. Подобного посрамления он ещё никогда не испытывал. Низко поклонившись собравшимся на молебен прихожанам, он помолился перед иконой Спасителя и, нетвёрдо ступая, поднялся по лестнице на колокольню.

— Пускай проветрится немножко, — негромко произнесла старушонка, вносящая записи в церковную книгу. Звонарь, почувствовав что-то недоброе, последовал за ним на колокольню. Он вернулся через некоторое время с окаменевшим лицом и трясущимися руками.

— Успел... Повесился... — только смог он из себя выдать.

Все, кто посмелее, бросились на колокольню. Отца Фёдора спустили вниз, положили на табу-

решётках около входа. Он не успел задохнуться и лежал, не открывая глаз. Лишь изредка мелкая дрожь пробегала по его безжизненно посиневшему лицу.

Его отстранили от службы на целый год. Этого оказалось много. Вскоре он незаметно и навсегда покинул село...

Присланный из епархии отец Сергей наотрез отказался вести службы в осквернённом месте. На церковь повесили огромный замок, который всё равно не смог её спасти от разграбления православными. Стали люди растаскивать иконы. На глазах у всего села мужики сдавали на цветной металл крестильные купели, чаны для святой воды, подсвечники, рамочки с икон снимали и даже монетки, которые верующие на иконах оставляли, — и те унесли.

Приезжали из города следователи, искали виновных, грозились дело завести. Но никто не признался и друг друга не выдали, вроде как всё село виновато. А всех сразу на суд не поведёшь.

В конце дня ещё одна неприятность случилась: машина у следователей застряла в луже. Как ни пытались её вывезти своим ходом, она ещё больше в грязи увязала. Мужики трактор пригнали и тросом вытягивали её. А потом целый час следователи отмывали машину в реке. Уехали злые и ни с чем, пообещали вернуться, но, видно, забыли.

Напоследок жители вытащили из церкви окна и полы. Остались одни только стены. Стояли они, стояли. А потом предприниматель из города приехал. Как нельзя кстати! Объявили, что по рублю за кирпич будут расплачиваться. Село сразу оживилось. Понабрали люди себе стен и принялись целыми днями стучать. А разбирать трудно. Говорят, раньше раствор делали по особым правилам: добавляли яичные желтки. Кладка становилась настолько крепкой, что не сломаешь. Колотый кирпич в администрации грозились не принимать, только цельный. Сутками напролёт долбили по кирпичам, очищали его, загружали в машины и увозили сдавать. Работали целыми семьями, без перерывов. Кто больше разберёт, тот и денег больше получит. О бывшей церкви люди больше не вспоминали — некогда было ностальгировать, работа ждала.

Кто-то из сельчан видел отца Фёдора в городе. Он по-прежнему ходил в рясе и на голове носил клобук, только одежда его была так изношена, что напоминала своим видом тряпки, которые вешают на огородное чучело. Диковатый блуждающий взгляд старого священника отпугивал людей. Но когда его спрашивали: «Батюшка, почему вы так опустили?» — он начи-

нал пространно говорить о своём счастье, что Всемилостивый дал ему возможность искупить все грехи свои на земной юдоли, а простому человеку больше ничего и не нужно в жизни, тем он счастлив.

Часто его видели на вокзале или на остановках. Он всячески старался сесть в электричку (в автобусы его уже не пускали) и, проехав одну-две короткие остановки, что при желании мог бы легко сделать пешком, вылезал. Опустившись на землю рядом с дорогой, он доставал из кармана стакан с засохшим мёдом и замусоленный, похожий на обмылок кусок чёрствого хлеба, ставил всё это на разостланную тряпицу и подолгу сидел, в молитве делая поклоны. Издалека отец Фёдор напоминал большую чёрную птицу...

7

НА ДЕРЕВЯННОМ крыльце, распахнув все окна прожаренной летнем зноем веранды, Ворона перебирала только что собранные помидоры: красные, румяные, без пятен — дочери в город, она в этот месяц не придет, работа, график; чуть похуже — себе на стол, ну а совсем плохие — обрезать, и на засол пойдут.

Красновато-пегие куры нашли дырку в загородке и уже разбредались по грядкам, беззаботно собирая траву. Строгий гусь, вытянув шею и наклонив голову немного набок, зорко следил за курами. Он не знал, хорошо это или нет, оценивающе смотрел и молчал. Его глаза сверкали.

— А-а-а! пошли отсюда! Вон, бестии! Я вас! — Куривший во дворе Гришка наконец заметил беспорядок.

Куриный прерывистый рокот, шипение подскокившего гуся, ругань Гришки слились воедино. Жёлтый котёнок, маленький пушистый комочек — не разберёшь, где нос, где глаза, — испуганно юркнул мимо гуся, пробежал под грузными ногами хозяйки и скрылся в доме.

— Гриш, иди помоги, — позвала Верка и показала на ведро с помидорами, — занеси домой. Я сама их загоню.

— Зачем столько собрала?

— Салаты готовить буду. У нас гости сегодня.

— Какие? — удивился Гришка.

— Потом скажу. Иди давай.

Разобравшись с курами, она вернулась домой.

Гришка поставил помидоры на кухне, а сам дремал перед телевизором. Светящийся экран показывал очередной сериал. Раздетые мекси-

канцы загорали на пляже. Отражение солнца колосилось на морской воде. Верка вздохнула и подошла к шкафу. В шерстяной кофте был завёрнут небольшой металлический крест. Верка посмотрела на него, ещё секунду назад, казалось, её одолевали сомнения, но теперь она приняла решение.

— Гриш, слышишь, Гриш... — толкнула она мужа. — Просыпайся.

— А? Что!

— Помнишь, наши мужики ходили металл сдавать?

— Ну.

— Знаешь куда?

— Вроде. А тебе-то что?

— У меня вот что есть, — Верка развернула свитер и показала крест. — Сходи узнай, сколько за него дадут.

— Где взяла? — спросил муж.

— Какая разница? Не бойся, не украла. Я же не совсем дура, чтобы кресты воровать.

— А где тогда?

— На стройке. Разбираю стену, вдруг смотрю: в углу, в самом мусоре, что-то блестит. Ну, думаю, брошку кто-нибудь обронил. Тяну — никак! Стала разгребать камни и вытащила его. Столько лет разоряли церковь, как его не заметили, не знаю.

— А ты не думай больно. Это нам повезло, Верка. Удачливая ты у меня.

— Может, и вправду, подарок какой свыше. Видит Бог, как деньги нужны, помогает.

— А это медь, по-моему, — Гришка взял в руки. — И тяжёлый! Молодчинка! За такой много возьмём.

— Не знаю, может, ещё не медь.

— Да медь же, говорю тебе! Я могу различить. Она так на языке немножко сладит. Другой металл не будет. Вот попробуй сама.

— Да ну её, я ничего не понимаю в этом деле. Так ты идёшь?

— Бегу! Пулей, туда и обратно! Ты даже не успеешь соскучиться!

И он выбежал из комнаты, что-то напевая под нос. А Верка принялась на кухне нарезать салаты. Вдруг показалось ей, что потеряла она деньги. Прямо сердце ёкнуло. Полезла рукой в кофточку... Здесь родимые, слева лежат. Всё в порядке. Теперь ещё крест продадут. Деньжищ будет! Точно на поездку хватит. А церковь не стоит жалеть. Кому она нужна. Всё равно пустая стояла, без пользы... А теперь хоть на море съездит, да мужа своего, дурака, свозит. И Верка заплакала то ли от счастья, которое вот-вот должно наступить, то ли от лука, который крошила на доске...

ЗИНКА ПРИШЛА под вечер. Привела своих подруг и соседей, всего человек десять набралось. Последним вошёл отец Сергей, маленький чернявый, с крупными глазами, снял шапку и как-то смущённо улыбнулся. Верка обрадовалась, подхватила его за руку и сама провела к столу, стараясь угодить. На белой скатерти пестрели салатки, от духовки разносился приятный запах жарковья. Бутылки были наготове, на всякий случай на плите посвистывал чайник. На него не обращали внимания. Только Вера усадила всех гостей, как вернулся весёлый муж. Подмигнул правым глазом и расплылся в улыбке.

— Ну чё ты? — шепнула ему на ухо.

— Верка! Чувствую, заживём теперь!..

— Да тихо ты, — цыкнула на него, а сама готова была прыгать вокруг стола от счастья. И муж в эту секунду таким любимым показался. Самым лучшим на свете. Хоть он и пёт сильно и ничего не умеет по хозяйству делать, но всё равно он хороший. У других и похуже бывают. Если приглядеться, они вообще лучше всех живут, почти не ссорятся. Попыталась Вера вспомнить, когда же они последний раз ругались. А было это совсем давно, и то по глупости: посадила она в саду розы, как у москвичей, Гришка долго ворчал, но стерпел. Потом лейку покрасила голубой краской. Гришка и на этот раз ничего не сказал. Но когда она вместо того, чтобы сажать картошку, приволокла из леса саженец берёзы, Гришка взорвался. Тогда они сильно повздорили. Верке пришлось уступить. Берёзу выдернули из земли и сожгли на костре. Но от роз Верка не согласилась избавляться. Хоть они и не росли, она всё равно каждое утро поливала их из крашеной голубой лейки... Определённо ей с мужем повезло. И сейчас мог бы пропить деньги или потерять дорогой, а он принёс их в дом и отдал Верке, всё до копейки. Теперь у них наладится жизнь.

Но сначала нужно о душе позаботиться. Подсела она к отцу Сергию, хотела тихо поговорить, но гости тут же замолчали. Почувствовали важность вопроса. Догадались, что не просто так Верка праздник устроила. Наболело на сердце. Пришлось ей спрашивать при всех:

— Что делать? Вроде как грех совершили, — смотрит на батюшку, тот кивает головой. — Но не просто так, деньги были нужны.

— У нас обычно церкви грабят, потому что у приходов денег на сигнализацию не хватает, — ответил отец Сергей. — А чтоб свои сначала

разворовали, а потом и стены разрушили... Честно говоря, я с этим впервые сталкиваюсь.

— Да какая же это церковь! Там куполов-то не было, — вспыхнула Вера.

— Так-то оно так. Но не думаю, что для Бога важны купола. Жалко мне людей: идут они к последней черте опустошения души, а что за ней?

Все замолчали. Никто не посмел возразить.

— Верка! — встряла Снопова. — Да кто ж такие вопросы на пустой желудок задаёт?! Пристала, ты бы сначала накормила всех.

— А ну и правда, — откликнулась подруга и принялась разливать водку. — Давайте, гости дорогие, ешьте-пейте, что пожелаете! Сейчас горяченькое достану.

— А я знаю самое главное: Верка моя лучше всех! — озвучил Гришка первый тост. — За тебя!

Выпили и сразу повеселели. Салаты в ход пошли. Музыка включили. И никто о церкви больше не вспоминал. После ужина стол отодвинули к окну и пустились танцевать. Отец Сергей, прежде мрачный, тоже развеселился, только танцевать не стал. Он сидел в углу комнаты и вышивал за Веркину удачу, а потом за счастье всех людей. А когда Вера поднесла ему очередную бутылку, он придержал её за руку и, прищурившись, сказал:

— Знаешь, мне кажется, простит тебя Бог... И шут с этой церковью... новую построим. Вот тогда точно простит.

Вера закричала от радости и поцеловала батышку прямо в колочую бороду. Уставшие гости опять потянулись к столу. Зазвенели чашки. Кто-то спросил:

— А говорят, вам большие деньги заплатили. Посмотреть бы, а то за всю жизнь крупнее пятисотки ничего в руках не держали.

Гришка приказал жене принести деньги.

— Что на них смотреть, подумаешь, диковинка. Работать надо было больше и всё тут, — ворчала она, но подала.

— Эх ты! Какая краснущая!

— Ого! И вправду!

— Это она от стыда, наверно. Церковь-то жалко...

— Ну, будет вам, посмотрели и хватит, — Вера попыталась вырвать из рук.

— Тебе жалко, что ли! — Возразила Снопова. — Не съедим же!

— И то верно, — подхватил Гришка. — Ты лучше отдохни, нечего за гостями присматривать!

И деньги пошли гулять по рукам.

— Да ну их всех, — махнула рукой Верка, — что я правда переживаю, — и пустилась в пляс.

ПРОСНУЛАСЬ ВЕРКА среди ночи. В комнате было достаточно светло, чтобы различать предметы. Гришка лежал на животе, обхватив руками подушку, его губы едва шевелились, ресницы вздрагивали, он сопел. Верка прислонилась к его небритой щеке и поцеловала. Сон стал спокойней. Муж перевернулся на левый бок и поправил одеяло. А Верка больше не смогла заснуть. Она думала о предстоящей поездке, в её воспалённом сознании проносились, как на скором поезде, картинки будущего счастья, она видела большие сумки, гостиничные номера, вязчивых попутчиков, крема для загара, надувные матрасы и пальмы. Она верила, что после этой поездки их жизнь изменится, станет такой, какой и должна быть изначально. Вновь заработает колхоз, начнут выплачивать деньги, каждое утро она будет готовить Гришке на завтрак яичницу с луком, поторапливать его, а он, чисто выбритый и надушенный одеколоном «Гвоздика», будет влетать на кухню, на ходу застёгивая пиджак, ковырять вилкой в тарелке и, поцеловав жену, бежать на работу. Вот где была настоящая жизнь. Что происходит сейчас с их селом и со всеми людьми, Верка не понимала. Нет, конечно, понимала, но не могла в это поверить. Ей казалось, что это сон, страшный сон, который скоро закончится вместе с рассветом и с золотистым криком петуха. Этот зыбкий ужас рассеется в дневном свете. И они все очнутся в новом мире, где им и следовало всегда жить.

Верке захотелось ещё раз посмотреть на деньги. Полезла она рукой в кофточку, а их нет. Ещё раз проверила — нет! Открыла тумбочку, но и там их нет. Достала с полки большую Библию в кожаной обложке, стала трясти за корешок, посыпались на пол паспорта, справки, ещё какие-то бумажки, а денег среди них нет. И в сумочке тоже нет. И в кошельке. И на столе среди бутылок. И на подоконнике. Нигде нет денег.

Лоб покрылся холодной испариной, смахнула рукавом и побежала в спальню. Муж невозмутимо спал.

— Гриш, Гришка! Да проснись, что ли! — толкала его, но муж в ответ только мычал. — Дурак, ты мне всю жизнь сломал, — надрывалась Верка, хлестая его по щекам. — Наши деньги украли, слышишь?.. Проснись...

— У-у-у... м-м... — отвечал Гришка и отмахивался рукой.

В панике Верка схватилась за телефон. Длинные гудки. Наконец, раздался недовольный голос.

Зина, это я, Верка... ну подруга твоя, блин, забыла, что ли!.. Я умираю... Денег нет... Так нет. Украли... Откуда я знаю... Нет, в милицию не звонила... думаешь, найдут... Зинка, помоги обзвонить всех, кто вчера был у нас, может, случайно кто унёс... Нет, я просто с ума сойду сейчас... Давай, жду...

Дрожащими руками Верка перелистывала старенький блокнот с номерами, потные пальцы соскальзывали с кнопок, телефон пылал от напряжения, она всё заново и заново набирала номера...

...Алё ...Вера. Ну Вородина. Вчера вы у меня гуляли... Простите, вы случайно не прихватили с собой наши деньги, когда вечером уходили?.. Нет, что вы! Не подозреваю, просто... Да, пропали... Ну извините ещё раз...

Вся жизнь, всё счастливое будущее застыло в виде яркой картинке в сознании Веры, будто, спеша вперёд, оно оглянулось на секунду, посмотрело на Веру и спросило: «Ты как, со мной?» А она не знала, что ответить. Голова болела. Перед глазами изображение рисовало фигуру художника. Он стоял перед планшетом и закрасивал серым цветом небо, тёмно-синим — море, песок почему-то был грязно-чёрным. На песке — следы крошечного человека. Он смотрел на Веру своей мерзкой рожой, скалился, кричал, что он — и есть её счастье, и заливался лающим смехом. Вера замотала головой и сильно, почти до боли, зажмурилась. Художник пропал. Зато цветная картинка рассыпалась на тысячи мелких пазлов. Она пыталась их собрать, испуганно перебирала детали, но их было так много, они рябили и путались. В отчаянии Вера заплакала.

Вскоре пришла Зинка с валидолом и валерьянкой.

— Да успокойся ты, зачем так убиваться... двенадцать, тринадцать, четырнадцать, — отсчитывала она капли, — сейчас поищем вместе... шестнадцать... восемнадцать... всё-таки не конец света... и никто не умер, чтоб так расстраиваться.

— Ведь я их вчера в руках держала, вот так вот, — отзывалась Верка сквозь всхлипы, — я же на них вот так смотрела... Чувствовало моё сердце... не кончится добром.

— Ладно тебе, найдём... Вот выпей, а я пока поищу, — подруга всунула стакан ей в руку.

Успокоительное подействовало быстро. Вера сидела, развалившись, на диване и сквозь слепую пелену непонимания вглядывалась в фигуру Зины, слушала, как с глухим шумом падают на пол вещи, как старательно подруга всё переворачивает в доме. Она сидела рядом, но с дру-

гой стороны, была где-то далеко, она наблюдала за собой со стороны, жалела себя и ругала, любила и ненавидела одновременно. Горе навалилось на неё разом, как проливной дождь, который хлещет по телу. Она ощущала тяжесть в голове, на плечах, на руках и ногах. Она утонула в своём несчастье.

За окном вставало солнце. Лучи света проходили в комнату, и Вера видела, как мельтешит освещённая пыль. Она представила, что море находится недалеко от её дома. И туда не нужно ехать. Достаточно просто пройти две улицы и через сады спустится к нему. Море растекалось на том самом месте, где они недавно разбирали кладку. Теперь там пляж. Загорают люди. И они с Гришкой тоже пришли туда. На ней новый купальник. Все оборачиваются и вздыхают от зависти. А она счастлива. А потом при всех её целует Гришка. И все замирают. Тишина... Но тут поднимается ветер. Море вздувается и шумит. И прямо у берега из воды вырастает церковь. Она величественна и красива, как раньше... Но Верке не нравится. И тогда она берёт молоток и идёт разбивать стены... Клац, клам... Сыпется штукатурка...

Клац, клам... Зинка что-то уронила в соседней комнате. Вера вздрогнула и очнулась. «Как я могла...» — мелькнуло в голове. Она вскочила с дивана и осторожно, чтобы не заметила подруга, прокралась к двери.

Прохладный воздух, насыщенный запах трав и утренней росы заставили окончательно прийти в сознание. Верка бежала по дороге, задыхалась, то и дело падая, пачкалась в грязи, поднималась и бежала снова. На земле проступали две глубокие колеи. Они образовались от грузовых машин, когда разобранные кирпичи на склад вывозили. В ямах стояли лужи. Верка наступала в них, её ноги обдавало холодной водой, но она этого не чувствовала.

Две улицы пронеслись незаметно. Она остановилась на пустыре и присела на большой камень. Груды побитого кирпича валялись рядом, справа стоял неразобранный осколок стены, упирающийся в треснутый фундамент. Слева — кто-то собрал в гору балки, приготовил для вывоза. Чёрный ворон копошился в мусоре, изредка с любопытством поглядывая на Верку. Это всё, что осталось от прежней церкви. Верка вспомнила, что, когда ей было очень плохо, она всегда приходила сюда, глядела на иконы, на золотые купола, и ей становилось легче. Теперь идти было некуда. «Что с нами произошло?» — пыталась понять она. Будто люди решили, что им больше не придётся обращаться за помощью. Будто они собрались все вместе и условились с

завтрашнего дня стать счастливыми. И ведь она сама, Верка, участвовала в этом... Она сидела и плакала, не зная, как ей теперь жить.

— Верка! Вон она, я её вижу! — раздался голос подруги. Снопова и Гришка подбежали к ней.

— Верка, ты что делаешь!..

— Зачем так пугать, — набросился муж, — нашли мы деньги.

— Вот они, — показала Зинка, тяжело дыша. — Я когда весь дом перерыла, уже сама отчаялась, пошла, растолкала Григория, вместе стали вспоминать.

— Ага. Я тут вспомнил, что их сначала гости рассматривали, а потом я взял деньги и сразу

положил в карман. Тебе хотел отдать, но ты танцевала. А потом я забыл.

— Вер, ну чё ты плачешь? Успокойся. Нашлись же.

— Вер, ну посмотри сама, — Гришка обнял её за плечи. — Теперь на море поедем. Слышишь, Вер, на море. И будет у нас счастье. Так погуляем.

— Ты же давно мечтала.

— Да ну это море... — всхлипывая, ответила Вера. — Не хочу...

— Ты что! Верочка, море оно же такое... — воскликнул Гришка. — Там же солнце и этот, как его, песок. Белый. Мы там отдыхать будем... Слышишь?.. Вер... Там такое счастье... Поедем, Вер... Счастье...